

Р.Ю. Почекаев

НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ: ИМПЕРАТОР ПЕТР III И КАЗАХСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Анализируются попытки казахских правителей середины XVIII в. наладить контакты с Петром III – в первую очередь как с наследником трона, а затем и как с российским императором. Поначалу представители казахской элиты связывали с ним определенные политические надежды, которые со временем не оправдались, и казахским правителям пришлось искать новые пути решения проблем, возникших в процессе развития российско-казахских отношений. Этот процесс рассматривается на основе анализа посланий казахских ханов и султанов великому князю, а затем и императору Петру Федоровичу.

Ключевые слова: Казахстан в XVIII в.; Российская империя; имперская политика в степных областях; императрица Елизавета; Петр III; Екатерина II; послания казахских ханов и султанов.

Личность и деятельность императора Петра III (1728–1762, прав. 1761–1762) до сих пор вызывает многочисленные споры и дискуссии. Согласно официальной версии, он не сыграл и не мог сыграть никакой роли в политической истории Российской империи в силу отсутствия способностей к государственной деятельности. В последние же годы нередко поднимается вопрос об ангажированности такой оценки (изначально сформированной его супругой Екатериной II, свергнувшей мужа с трона и допустившей его убийство) и, соответственно, переоценке Петра III, его личностных качеств, способностей и талантов. Во всяком случае, некоторые политические круги Российской империи связывали определенные ожидания с его приходом к власти еще в те времена, когда он являлся великим князем – наследником императрицы Елизаветы Петровны.

И это касалось не только русской правящей элиты, придворных сановников и пр. Петр III привлекал интерес и региональных, а также национальных элит Российской империи. В частности, определенные надежды связывали с ним представители казахской правящей элиты – ханы и султаны Младшего и Среднего жузов.

В настоящей статье анализируются послания казахских ханов и султанов 1740-х – начала 1760-х гг., в которых проявляются их надежды на участие Петра III в развитии российско-казахских отношений. Мы намерены проанализировать, чего же именно надеялись добиться представители казахской правящей элиты от наследника трона, а затем и императора, как изменялось их отношение к императору и как это влияло на их дальнейшие контакты с Петром III и имперскими властями. Насколько нам известно, этот вопрос до сих пор в очень малой степени затрагивался исследователями русско-казахских отношений в середине XVIII в.

Полагаем, что первоначальный интерес к наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу у представителей казахской правящей элиты во многом был связан с противоречивым отношением к пребыванию в подданстве России, во главе которой стояли императрицы – сначала Анна Иоанновна (1730–1740), затем Елизавета Петровна (1741–1761). Несмотря на то, что в отношениях с российскими властями казахские правители никак не акцентировали

внимание на этом вопросе, по всей видимости, они испытывали некоторый «дискомфорт» от необходимости считаться вассалами представительниц женского пола. Джунгарские правители, не связанные вассалитетом с российскими монархинями, могли позволить себе более откровенно высказаться по этому поводу в переписке с казахскими партнерами: «мы де калмыки и кайсаки вдвоем – ястребы, а перед оной вороной (русской императрицей. – *Р.П.*) мы не станем на колени» (цит. по: [1. С. 61]).

Соответственно, назначение наследником внука Петра I было встречено казахскими правителями весьма положительно, и ему сразу были выданы щедрые «авансы».

Первым отреагировал на выход великого князя Петра Федоровича на политическую сцену влиятельный казахский родоплеменной предводитель Джанибек Кошкарулы, «первый тархан», который вскоре после издания манифеста императрицы Елизаветы о назначении наследника (от 7 ноября 1742 г.) поклялся признавать власть нового великого князя, а уже в июне 1743 г. принес присягу новому великому князю вместе со своими сыновьями и многочисленными казахскими «старшинами» [2. С. 233–234].

Среди казахских ханов и султанов первым отреагировал на назначение наследника престола Абулахир, хан Младшего жуза, который в письме от 26 июня 1743 г. оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву написал: «оного (великого князя. – *Р.П.*) поздравляем на многие лета со всею нашею неотменительною радостью» [3. № 99. С. 154].

Еще более яркое приветствие было выражено в послании соперника хана Абулхаира – султана Барака, который в июне 1745 г. направил послание уже лично великому князю, «присвоив» ему повосточному витиеватый титул, который, как представляется, и отражал ожидания казахской элиты от будущего правителя Российской империи. Позволим себе воспроизвести его полностью: «Вождь неишетенных войск, стотысячных неприятелей победитель, яко Рустям (т.е. пресильный и высокопочитаемый у них богатырь¹) и храбрый поразитель остротою и действием, яко лев гневом, яко облаки от всепресветлейших и державнейших великих древних государей, царей златая отрасль, достойная всероссийского высочайшего престола, всей верноподданной Киргис-

кайсацкой орды высочайшею милостию снабдитель, а Средней нашей орде, подобно горящей свеще, предрагий и ясносиятельный камень, щедрый, преблагий и правосудной великой державы наследный государь» [3. № 228. С. 264–265; 4. № 38. С. 125; 5. № 123. С. 315–316].

Подчеркивая свою радость от назначения наследника российского престола, Абулхаир в том же поздравительном послании отмечал, что он «со всем народом присягать в готовности находимся» [3. № 99. С. 154; 6. С. 211]. Султан же Барак, демонстрируя свою лояльность российским властям и лично будущему императору, информировал его, что сообщил о новом наследнике бухарскому хану (Абулфайзу. – *Р.П.*), кокандскому правителю Абдукарим-беку, о том, что «каракалпацкие ханы, хаджи и знатные люди в числе пятидесят тысяч народа вашему императорскому высочеству при мне в подданство пришли» [3. № 228. С. 265; 4. № 38. С. 126; 5. № 123. С. 316]. Тем самым соперничающие правители не только демонстрировали верноподданнические чувства великому князю, но и собственное влияние среди казахов и соседних народов, стараясь выстроить наиболее эффективные отношения с будущим императором.

При этом казахские правители практически сразу же попытались добиться и определенных выгод от наследника престола, которому выражали свою верность и лояльность. Тот же хан Абулхаир уже 12 июля 1745 г. направляет великому князю Петру Федоровичу послание о возвращении «в нашу орду» его сына султана Ходжа-Ахмада, взятого в заложники, мотивируя свою просьбу тем, что даже его заклятые враги джунгары уже отпустили его сыновей-заложников, тогда как он прежде «через Куран» присягал в верности ранее императрице, а теперь «присягу учинил» и самому наследнику престола [3. № 131. С. 181]. Учитывая большой политический опыт хана Абулхаира и его способность добиваться поставленных целей, сталкивая своих политических противников, полагаем, что и в данном случае он пытался выяснить, насколько значительным влиянием обладает великий князь, адресуя к нему ту просьбу, с которой ранее неоднократно уже обращался и к императрице Елизавете, и к губернатору И.И. Неплюеву. Впрочем, никакой реакции от наследника престола не последовало, и вопрос о возвращении Ходжа-Ахмада к отцу вновь был поднят лишь в 1747 г. – и то по собственной инициативе Неплюева [7. С. 152; 8. С. 366–367].

По всей видимости, этот и подобные факты отсутствия реагирования со стороны Петра Федоровича уже вскоре вызвали у казахских правителей первые сомнения в том, что великий князь играет значительную роль в государственной жизни Российской империи. Как показали дальнейшие политические события и имперская законодательная практика, ситуация не изменялась вплоть до смерти императрицы Елизаветы².

Эти сомнения довольно быстро нашли отражение в посланиях казахских правителей российским имперским властям. Так, султан Барак, еще только в июне 1745 г. столь активно старавшийся налаживать связи с великим князем, в октября того же года

направляет поздравление по случаю его бракосочетания (с будущей императрицей Екатериной II) – но уже в адрес императрицы Елизаветы Петровны, а не самого новобрачного! При этом великий князь упоминается в письме как «стоящий над нами ваш младший брат», который «по вашей священной воле и милости вступает в брак» [3. № 232. С. 267–268; 4. № 43. С. 133]. Подобное обращение позволяет сделать два вывода. Во-первых, казахский правитель использует характерное еще со времен Золотой Орды обозначение в официальной документации непрямым предков и потомков, соответственно как старших и младших братьев (см. подробнее: [10. С. 96–97]), т.е. в традиционных тюрко-монгольских политико-правовых воззрениях племянник императрицы вполне корректно фигурирует как «младший брат». Во-вторых, оборот «стоящий над нами» в изменяющихся обстоятельствах представляет, по сути, не более чем выказывание уважения к статусу наследника престола, его же реальное положение отражено в следующем обороте: «по вашей священной воле и милости». Весьма характерно, что и ответ султану Бараку пришел от имени императрицы Елизаветы, а не от ее наследника, которому были адресованы поздравления [11. С. 181].

Других посланий великому князю Петру Федоровичу вплоть до кончины императрицы Елизаветы казахские правители уже не направляли: и Абулхаир, и его наследник Нурали, и Барак, и другие взаимодействовали уже либо с представителями региональных властей, либо же, в редких случаях, адресовали свои послания непосредственно императрице.

Дочь Петра I скончалась 25 декабря 1761 г., и великий князь Петр Федорович наследовал российский престол под именем императора Петра III. Его политические интересы оказались всецело сосредоточены на европейских делах, что нашло отражение, в частности, в отзыве о его политике современницы – известной российской политической деятельницы и ученой княгини Е.Р. Дашковой: по ее словам, император направил все усилия на то, чтобы «отвоевать у датского короля клочок земли, на который он заявлял свои права» [12. С. 48; 13]. Нельзя не принимать во внимание, что сама Дашкова, будучи сторонницей и близкой подругой Екатерины II, несомненно, была настроена предвзято к ее супругу, но в целом ее характеристика достаточно четко отражает политическую ориентацию Петра III.

Не приходится удивляться, что по воцарении на престол он даже не озаботился тем, чтобы обеспечить принесение присяги ему на верность со стороны казахских правителей. Впрочем, скорее всего, у этого решения были свои причины. Во-первых, часть казахской элиты принесла ему присягу вскоре после того, как он был объявлен наследником престола, и этого ему, вероятно, было достаточно. Во-вторых, от намерения потребовать от казахов принесения присяги его могли отговорить его приближенные или же руководство оренбургской администрации. Дело в том, что А.Р. Давыдов, сменивший И.И. Неплюева во главе Оренбургского края, как раз незадолго до воцарения Петра III умудрился весьма серьезно испортить отношения с ханом Младшего жуза Нурали, сыном и

наследником Абулхаира, и существовала большая вероятность, что хан не захочет подчиниться требованию принести присягу на верность новому императору. В то же время существенно активизировались контакты казахов Среднего и Младшего жузов с империей Цин: переписку с китайскими властями вели упомянутый Нурали, а также султаны Аблай и Абулфайз. Несмотря на то, что буквально через три дня после воцарения Петра III (28 декабря 1761 г.) султан Юлбарс лично объявил омским властям, что и он сам, и Аблай, и вообще весь Средний жуз «давно уже в российском подданстве состоит и ни с кем у них, киргисцов, никакова несогласия нет и от российского подданства и со всею ордою отстать не желают, но вечно быть в российском подданстве обязались» [14. № 112. С. 23–24], сомнения в лояльности казахских правителей оставались. В результате Петр III ограничился лишь направлением уведомления казахским ханам и султанам о своем вступлении на престол, что же касается присяги, то он предписал дожидаться, когда сами же казахские правители явятся в Оренбург и «буде случай додаст, тщание употребить, чтобы они и действительные присяги учинили» [6. С. 240–241; 15. С. 137–138; 16. С. 164].

Нельзя не отметить также, что в правление Петра III не было принято ни одного нормативного акта центральных российских имперских властей, касавшегося правового регулирования статуса казахов в составе империи. Последним таким актом до вступления этого императора на престол был сенатский указ от 28 ноября 1761 г., а следующий – это доклад Сената, высочайше утвержденный 9 октября 1762 г. уже новой императрицей Екатериной II [17. С. 31].

В глазах представителей казахской элиты подобная позиция императора, несомненно, свидетельствовала о пассивности и, как следствие, слабости нового российского монарха. Это немедленно нашло отражение в новых посланиях казахских ханов и султанов Петру III, тональность которых существенно изменилась по сравнению с пиететом, выказываемым в письмах 1743–1745 гг.

Весьма характерно, что три казахских правителя, три родных брата поздравили нового императора с вступлением на престол в разное время: султан Айчувак – 20 января 1762 г., хан Нурали – 23 января, а султан Ерали – 6 июня 1762 г. [18. № 466. С. 117, № 663. С. 339; № 735. С. 407], т.е. буквально за три недели до свержения Петра III, произошедшего 28 июня того же года!

Тем не менее представители казахской элиты, несмотря на несбывшиеся надежды в отношении Петра III, все же продолжали рассматривать его как своего сюзерена. А сюзерен, в понимании кочевых народов Центральной Азии, должен был, прежде всего, заботиться о своих вассалах и содействовать им в решении их проблем в отношениях между собой и с соседними народами и государствами. Соответственно, в ряде посланий казахских правителей Петру III содержатся просьбы о решении им ряда вопросов как политического и экономического, так и правового характера.

Больше всего «донимал» императора своими просьбами Нурали, хан Младшего жуза, который, как

упоминалось выше, имел натянутые отношения с оренбургским начальником А.Р. Давыдовым и предпочитал действовать через его голову.

Еще до официального поздравления Петру III в связи с вступлением на трон наследник Абулхаира направил ему послание, в котором просил вмешаться в его отношения с собственными подданными, запретить им занимать его собственные пастбища, а ему самому – построить «крепостицу», благодаря которой хан станет «укреплен и усилен» и сможет обеспечивать безопасность торговых караванов, идущих в Россию из Бухары, Хивы, Персии и Туркмении. Кроме того, Нурали не упустил случая нажаловаться императору на своего недруга А.Р. Давыдова, которого обвинил в самоуправстве: в ответ на разграбление казахами хивинского каравана губернатор задержал двух ханских подданных, которых Нурали просил императора вернуть, отмечая, что это «обрадует» его подданных [11. С. 196–197; 18. № 464. С. 113–115].

Буквально в тот же день, когда хан Младшего жуза направил официальное поздравление Петру III, т.е. 23 января 1762 г., он послал императору и другое, куда более объемное послание, в котором изложил сразу несколько просьб: возвращать казахам рабов, захваченных в набегах на Персию или Джунгарию и затем бежавших в Россию и принимавших там христианство, повысить жалование ему самому (поскольку назначенных императрицей Елизаветой 600 руб. в год, по словам хана, ему не хватало на подарки собственным приближенным, чтобы обеспечивать их преданность), установить жалование для ханского писаря башкира А. Сиюшова (по той причине, что фактически он служит не хану, а имперским властям) и, наконец, позволить перегонять скот на внутреннюю сторону р. Яик, т.е. в российские пределы [18. № 467. С. 118–119]. Нельзя не заметить, что все эти вопросы имели «локальный» характер и могли быть решены оренбургской администрацией, но хан демонстративно адресовал их монарху, намекая на разногласия с А.Р. Давыдовым и надеясь решить свои проблемы благодаря поддержке центральных имперских властей.

Наконец, 3 марта 1762 г. Нурали-хан направил императору еще одно послание, в котором пытался оправдаться за действия своих подданных, которые «по своему легкомыслию приняли худое намерение» напасть на калмыков – также подданных Петра III (!), – но были ими разгромлены, а часть попала в плен. При этом среди пленников оказался и зять самого хана Джахангир-султан, который, как утверждал Нурали, приехал отговорить нападавших от их намерения, но был насильно увезен ими в поход. Хан просил императора издать «высочайший указ» об освобождении Джахангир-султана из калмыцкого плена. При этом он оговаривает, что недавно еще одни подданные российского монарха, башкиры, убили ханского его племянника Магомедали-султана, из-за чего его «находимся мы в неудовольствии и в сердечном смущении», тогда как освобождение Джахангира способно «нас обрадовать» [18. № 470. С. 121–123]. При этом нельзя не обратить внимания на весьма хитроумную формулировку хана, что эти «в степи кочующие киргис-кайсаки», т.е. казахи, пожелавшие напасть на калмыков, – не более

чем «по высочайшему и всемиростивейшему в. и. в. указу подчиненные мне»; тем самым хан как бы давал понять, что является не природным государем казахов Младшего жуза, а «назначенным» по воле императора правителем и, следовательно, не несет всей полноты ответственности за действия своих подданных, коль скоро не получает от своего сюзерена необходимой помощи для обеспечения контроля над ними. К подобной риторике хан Нурали неоднократно прибегал в общении не только с Петром III, но и с его предшественниками и преемниками³. В те же дни, в январе 1762 г., к Петру III обратился и султан Абулфаиз, прося предоставить ему возможность торговли в Самай-Болате (т.е. Семипалатинской крепости), заявляя, что казахам Среднего жуза неудобно торговать в Троицкой крепости, где производится торговля с казахами Младшего жуза. Торговля же через Семипалатинск более выгодна и удобна его отцу, хану Абулмамбету, который, сидя в Туркестане, контролирует торговые пути из Ташкента, Кашгара и Яркенда. При этом, желая сделать свое обращение более обоснованным, султан Абулфаиз несколько «удревнял» пребывание казахов в российском подданстве, уверяя императора, что первым его принял еще его прадед хан Тауке [3. № 345. С. 368–370; 14. № 113. С. 25–26], что, как известно, не соответствовало действительности.

Анализ тона и содержания упомянутых посланий не может не создать впечатления своеобразной снисходительности и некоторой доли «покровительственности» казахских правителей по отношению к Петру III. Ханы и султаны, несмотря на постоянные характеристики самих себя как верноподданных и даже «рабов» императора, при этом как бы «поучают» его, разъясняя, что будет выгодно для казахов, доставит им «удовольствие»!

Еще более важным представляется, что большинство вопросов, по которым казахские правители обращались непосредственно к императору, практически дословно воспроизводятся в их письмах другим представителям российских властей. Так, Нурали-хан свое письмо от 21 января 1762 г. фактически «продублировал» в письме от того же числа канцлеру графу М.И. Воронцову, а письмо от 23 января – тому же графу Воронцову, но уже в апреле 1762 г. [18. № 365. С. 115–117; № 473. С. 126–127]. А просьба хана о возврате из калмыцкого плена султана Джахангира была также изложена в двух письмах оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову (с которым Нурали, вероятно, восстановил отношения к этому времени): первое датировано тем же числом, что и послание императору (3 марта 1762 г.), и содержит ту же просьбу с характерной оговоркой «не ожидая указа», второе – уже 16 мая 1762 г. [18. № 471. С. 123–124; № 474. С. 127–129], вероятно, в связи с тем, что ответы на предыдущие послания так и не были даны хану. Ерали-султан же свое вышеупомянутое поздравление Петру III в связи с восшествием на престол, равно как и свои объяснения по поводу боевых действий с Хивинским ханством (причинившем ущерб российско-хивинской торговле), адресует не самому императору, а тому же оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову [18. № 663. С. 339]! Надо полагать, казахские

правители, исходя из уже сложившегося представления о новом императоре, вскоре осознали, что гораздо проще и эффективнее решать свои вопросы с другими представителями имперских властей.

Таким образом, отношение Петра III к казахам окончательно способствовало разочарованию в нем казахского общества. Неслучайно впоследствии стали «ждать чего-то нового» именно в связи с восшествием на престол его супруги Екатерины II [20. С. 38–39]⁴. Признание же Е.И. Пугачева в качестве Петра III, как представляется, отнюдь не означало популярности последнего среди казахов, а лишь представляло собой попытку казахской элиты выторговать себе дополнительные привилегии, лавируя между различными политическими силами Российской империи: они одновременно вели переписку и с самим Пугачевым, и с царскими властями и при этом доносили на своих политических конкурентов из числа казахской знати, что те поступали так же [21. С. 187–198]⁵. Подобную практику, впрочем, с успехом реализовали казахские ханы и султаны начиная с 1730-х гг. и вплоть до упразднения институтов ханской и султанской власти в Казахстане в 1850–1860-х гг.

Итак, анализ взаимоотношений казахских правителей с императором Петром III позволяет сделать вывод, что период пребывания этого монарха в качестве наследника престола и его собственного кратковременного царствования фактически стал началом радикального переустройства системы отношений российских властей с казахскими вассалами империи. В эпоху Анны Иоанновны и на начальном этапе правления Елизаветы Петровны казахские ханы и султаны неоднократно взаимодействовали непосредственно с монархинями и с центральными властями – по сути, как самостоятельные государи, несмотря на формальное выражение верноподданических чувств по отношению к императрицам. Начиная же с середины 1740-х гг. имперские власти взяли курс на формальное «замыкание» казахских правителей на общение исключительно с представителями региональной (в первую очередь, оренбургской) пограничной администрации [22. С. 104]. Как представляется, пассивная роль Петра III в российско-казахских отношениях сыграла немалую роль в том, что сами представители казахской правящей элиты сочли целесообразным принять новый формат отношений, позволявший им более эффективно выстраивать отношения с государством-сюзереном и оперативно решать проблемы, возникавшие в связи с признанием российского подданства.

В дальнейшем императрица Екатерина II, стремясь контролировать региональные власти, несколько раз позволяла себе напрямую взаимодействовать с казахскими ханами, султанами и даже биями, однако эти ее действия являлись не более чем исключением – в реальности же «казахские дела» во второй половине XVIII в. уже окончательно передаются в ведение региональных властей с оренбургскими губернаторами во главе. И теперь именно от их компетентности и энергичности зависела эффективность выстраивания отношений Российской империи с казахскими жузами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реплика переводчика ханского послания Я. Гуляева.

² В самом деле, в течение всех последующих лет ни один нормативный правовой акт Российской империи – начиная с указов императрицы и Сената и заканчивая актами региональных властей – не имеет ссылок также и на волю наследника престола как носителя власти (см.: [9]).

³ Эта уловка, эффективно действовавшая на российские власти в эпоху Елизаветы Петровны и Петра III, при Екатерине II оказалась несостоятельной: именно из-за неспособности контролировать собственных подданных хан Нурали в 1786 г. был лишен трона (см. подробнее: [6. С. 266; 19. С. 101–105]).

⁴ Интересно отметить, впрочем, что обстоятельства вступления Екатерины II на престол, по-видимому, заставили казахских правителей занять осторожную позицию в выражении ей своей лояльности. Так, например, султан Айчувак, получив известие о ее воцарении еще в июле 1762 г., поздравил ее с этим событием лишь в октябре 1764 г. [14. № 130. С. 54–55; 18. № 742. С. 411, 412].

⁵ Переписка казахских ханов и султанов во время восстания 1773–1775 гг. как с самим Е.И. Пугачевым, так и с имперскими властями публиковалась неоднократно, начиная с «Истории пугачевского бунта» А.С. Пушкина и заканчивая новейшими работами 2010-х гг. Однако поскольку данное исследование посвящено другому вопросу, мы не считаем нужным приводить полный перечень изданий, содержащих эту переписку, равно как и анализировать сами послания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007.
2. Ерофеева И.В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. Алматы: Б.и., 2013.
3. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. истор. док.: в 2 т. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост., отв. ред., ком. И.В. Ерофеевой. Алматы: АБДИ Компани, 2014.
4. Материалы по истории Казахской ССР. Т. II, Ч. 2 (1741–1751 гг.) / под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948.
5. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. док. и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961.
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.
7. А.Б. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2 (87). С. 129–173.
8. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик / 3-е изд., испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
9. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009.
10. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
11. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в начале XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981.
12. Дашкова Е. Записки. М.: Мир книги, Литература, 2009.
13. Уткин Д.Е. Внешняя политика Петра III // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер: Гуманитарные науки. 2014. № 5–6. С. 41–45.
14. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2 / сост. К.Ш. Хафизова, В.А. Моисеев. Алма-Ата: Наука, 1989.
15. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Ч. 2 // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1901. Вып. 16. С. 123–272.
16. Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельstroma в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е гг.). Астана: Сарыарка, 2012.
17. Отепова Г.Е. История Казахстана на страницах Полного собрания законов Российской империи. Павлодар: Павлодар. гос. пед. ин-т, 2009.
18. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. истор. док.: в 2 т. Т. II: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / сост., отв. ред., ком. И.В. Ерофеевой. Алматы: АБДИ Компани, 2014.
19. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.
20. Бекмаханова Н. Легенда о невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 годах). Алма-Ата: Казахстан, 1968.
21. Казахи в крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 186–219.
22. Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

VAIN HOPES: EMPEROR PETER III AND KAZAKH RULERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 120–125.

DOI: 10.17223/15617793/430/16

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Kazakhstan in 18th c.; Russian Empire; imperial policy in steppe regions; Empress Elizabeth; Peter III; Catherine II; letters of Kazakh khans and sultans.

The article is an analysis of relations between the Kazakh ruling elite and Peter III, at first as the heir to the throne and then as the emperor of the Russian Empire. The aim of the research is to clarify what hopes and perspectives were connected by Kazakh khans and sultans with the new Russian monarch, why their expectations did not come true and how it was reflected in the correspondence of the rulers of Kazakhstan with the Russian emperor and other imperial authorities. The sources the author of the article used are, first of all, letters of Kazakh khans and sultans (such as Abul Khair Khan, his sons Nurali, Erali, Aychuvak, sultans Barak, Yulbars, Abulfaiz, Biy Janibek Koshkaruly) to Peter III and other representatives of Russian imperial elite – from Empresses Elizabeth and Catherine II to the governors of Orenburg. Chronologically, these documents cover the period of 1743–1764. The rule of Peter III was very short-term and, as it is considered in historiography, did not influence substantially the Russian history, and even made more harm than benefits; although there are attempts to revise the negative evaluation of this monarch nowadays. However, the inter-

est in Peter as the heir to the throne was considerable among the Russian elite and among the national elites of the Russian Empire. It was reflected in the letters of Kazakh rulers sent just after his appointment the heir to the Russian throne. It is evident from these letters the representatives of the Kazakh elite expected from Peter Fyodorovich a more determined policy towards Kazakhstan than that of his aunt, both in administrative and in military fields. But with time, khans and sultans saw that the heir to the throne showed no interest towards his Kazakh subjects and no longer sent letters to him. When Peter III became the emperor, they resumed correspondence, but its tone changed substantially: Kazakh rulers demonstrated some condescension towards the emperor, explaining him what he should do to “please” the Kazakhs. Moreover, Kazakh rulers addressed most of their requests not only to the emperor, but also duplicated them to other authorities – Chancellor Count Vorontsov and especially to Orenburg governors – as they understood that their fate depended more on regional authorities than on the emperor in St. Petersburg. The author finds that the rule of Peter III, despite being short, was, in fact, a turning-point in the Russian-Kazakh relations during the imperial period. It was then that the Kazakh rulers stopped to address their requests and problems to emperors and central authorities and began to interact closely with the frontier imperial administration of Orenburg and Siberia regions.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2007) *Belyy tsar'. Obraz monarkha i predstavlenie o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The White Tsar. The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia Xviii the 15th–18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Erofeeva, I.V. (2013) “*Mezhdru vsemi starshinami znatneyshiy*”. *Pervyy kazakhskiy tarkhan Zhanibek Koshkaruly* [“The most noble among all the elders”. The first Kazakh Tarkhan Zhanibek Koshkaruly]. Almaty: [s.n.].
3. Erofeeva, I.V. (ed.) (2014) *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyyashchey elity 1675–1821 godov: sb. istorich. dok.: v 2 t.* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821: historical documents: in 2 vols]. Vol. I. Almaty: ABDI Kompani.
4. Vyatkin, M.P. (ed.) (1948) *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. Vol. II. Pt. 2. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
5. Dzhangalin, M.O., Kireev, F.N. & Shakhmatov, V.F. (eds) (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh: sb. dok. i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries: documents and materials]. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
6. Levshin, A.I. (1996) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat.
7. A.B. (1938) *Iz istorii Kazakhstana XVIII v.* [From the history of Kazakhstan in the 18th century]. *Krasnyy arkhiv.* 2 (87). pp. 129–173.
8. Erofeeva, I.V. (2007) *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Abul Khair Khan: commander, ruler, politician]. 3rd ed. Almaty: Dayk-Press.
9. Tomsinov, V.A. (ed.) (2009) *Zakonodatel'stvo imperatritsy Elizavety Petrovny* [Legislation of Empress Elizaveta Petrovna]. Moscow: Zertsalo.
10. Pochekaev, R.Yu. (2009) *Pravo Zolotoy Ordy* [Law of the Golden Horde]. Kazan: Fen.
11. Suleymenov, B.S. & Basin, V.Ya. (1981) *Kazakhstan v sostave Rossii v nachale XVIII – nachale XX veka* [Kazakhstan as part of Russia in the early 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka.
12. Dashkova, E. (2009) *Zapiski* [Notes]. Moscow: Mir knigi; Literatura.
13. Utkin, D.E. (2014) *Vneshnyaya politika Petra III* [Foreign Policy of Peter III]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser: Gumanitarnye nauki.* 5–6. pp. 41–45.
14. Khafizov, K.Sh. & Moiseev, V.A. (eds) (1989) *Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.* [The Ch'ing Empire and the Kazakh Khanates. The second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. Pt. 2. Alma-Ata: Nauka.
15. Dobrosmyslov, A.I. (1901) *Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk. Ch. 2* [Turgai region. Historical essay. Part 2]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva.* 16. pp. 123–272.
16. Lapin, N.S. (2012) *Deyatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazakhsko-rossiyskikh vzaimootnosheniy (1780-e – 1790-e gg.)* [Activities of O.A. Igelstrom in the context of Kazakh-Russian relations (1780s–1790s)]. Astana: Saryarka.
17. Otepova, G.E. (2009) *Istoriya Kazakhstana na stranitsakh Polnogo sobraniya zakonov Rossiyskoy imperii* [The history of Kazakhstan on the pages of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical University.
18. Erofeeva, I.V. (ed.) (2014) *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyyashchey elity 1675–1821 godov: sb. istorich. dok.: v 2 t.* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821: historical documents: in 2 vols]. Vol. II. Almaty: ABDI Kompani.
19. Pochekaev, R.Yu. (2017) *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans. Personality factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th centuries]. Moscow: ID Vysshey shkoly ekonomiki.
20. Bekmakhanova, N. (1968) *Legenda o nevidimke (Uchastie kazakhov v Krest'yanskoj voyne pod rukovodstvom Pugacheva v 1773–1775 godakh)* [The Legend of the Invisible (Participation of the Kazakhs in the Peasants' War under the guidance of Pugachev in 1773–1775)]. Alma-Ata: Kazakhstan.
21. Trepavlov, V.V., Bulgakov, M.B. & Marchukov, A.V. (eds) (2004) *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in research and documents]. Moscow: IRH RAS. pp. 186–219.
22. Bykov, A.Yu. (2005) *Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva: 1731–1917 gg.* [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society: 1731–1917]. History Dr. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Received: 10 February 2018